

Глава 10

— Так вот как выглядит прославленный торговец Сидэ?

Граф Эд с нескрываемым любопытством обошел вокруг Кунтина. Пленник, подвешенный в самом центре камеры, представлял собой жалкое зрелище: его руки превратились в кровавое месиво, а длинные каштановые волосы, намокшие от пота и влаги, облепили бледное лицо. Редкие капли крови срывались с кончиков прядей и, разбиваясь о каменный пол, расцветали алыми кляксами, сливаясь с застарелыми бурыми пятнами.

Кунтин с трудом поднял голову. Некогда порочное и надменное лицо теперь казалось мертвенно-бледным, а глубокий шрам у виска придавал ему еще более зловещий и затравленный вид.

Голос его напоминал скрежет старой, рассохшейся гармоники. Хрипя и задыхаясь, он выдавил:

— Я... не... Сидэ! Я не... предавал... Его Величество!

Он выговорил это сквозь стиснутые зубы, вкладывая в слова остатки сил, и вперил тяжелый взгляд в своего мучителя.

— Граф Эд... вы чините расправу... клеветаете на род Эдгаров!

— О, это вовсе не произвол, молодой господин, — усмехнулся граф. — Я получил дозволение короля судить вас как преступника. Убийство Нила Кеннета, попытка присвоить его состояние, создание частной армии — доказательств предостаточно. Даже ваш доверенный человек во всем сознался. К чему теперь метаться? Смиритесь и умрите красиво, не находите?

Эд обнажил клинок и резким движением вогнал его в бедро Кунтина, а затем, крепко сжав рукоять, провернул лезвие в ране.

Кунтин вскрикнул, но тут же до боли прикусил губу, загоня вопль обратно в глотку. Крупные капли пота, смешанные с кровью, градом покатались по его вискам.

Наблюдая за его мучениями, Эд язвительно добавил:

— Куда же делось былое величие Кунтина Эдгара? Похоже, настигла-таки расплата за годы беззакония. Ах да, чуть не забыл: каков на вкус был единственный наследник Кеннетов? Столько лет вожделеть его и наконец получить свое — неплохое утешение перед смертью, а?

Граф погладил подбородок свободной рукой. Сумасшедший слуга поведал немало секретов своего хозяина: стоило его немного припугнуть, как он начинал болтать без умолку.

— Говорят, едва главу Кеннетов бросили в темницу, вы тут же подослали воришку, чтобы заманить Нила в свои сети. Хотели сделать его своей комнатной собачкой, но ваши люди получили по заслугам от его слуги. А потом, решив прибрать к рукам сокровища Кеннетов, вы вырезали всех в их поместье и похитили Нила. Какая досада, что ваш лазутчик выжил. И пусть он лишился рассудка, но не забыл выдать вас с потрохами. Интересно, где сейчас гниет тело этого бедняги? Признавайтесь во всем, грешник!

От невыносимой боли Кунтин разбил десны в кровь, не в силах вымолвить ни слова. Рассудок его пугался, подбрасывая обрывки воспоминаний.

Он действительно потерял голову от радости, когда Кеннета арестовали, но он не причинял Нилу вреда. Кунтин выжидал. Он ждал, когда загнанный в угол Нил сам бросится в его объятия.

— Господин, вести из поместья Кеннетов. Тому воришке повезло — молодой господин Нил сжалился и спас его.

Слуга торопливо подошел к Кунтину и зашептал ему на ухо. Тот поднялся, потягиваясь так, что халат разошелся, обнажая крепкие мышцы груди. Кунтин негромко рассмеялся и облизнул пересохшие губы.

— Мой крошка Нил... — он коснулся пальцами рта. — Обычно такой холодный, но не может пройти мимо бродячей кошки или собаки. Тогда он тоже разжалобился и помог этой дряни Цзяи спасти его мать. А теперь спасает несчастного мальчишку от потери пальцев за долги. Все та же болезнь.

Кунтин закинул руки за голову, разминая плечи, и на его губах заиграла хищная, порочная улыбка.

— Раз Кеннет за решеткой, пришла пора научить моего Нила, что доброта без защиты — это яд. И безопаснее всего ему будет только рядом со мной.

Кунтин сбросил халат и вошел в ванну. Воздух в комнате был пропитан ароматами благовоний — тонкими, изысканными, в точности как запах самого Нила, который так сводил его с ума.

Вспышка боли оборвала видение.

Граф Эд методично вонзал меч в его бедро, превращая плоть в рваные лоскуты. Кровь хлестала не переставая, образуя у ног Кунтина глубокую алую лужу.

Тот не понимал. Не понимал, почему все твердят, что он убил Нила. Ведь в тот раз он потерпел неудачу и, боясь, что Нил заподозрит неладное, долго не показывался ему на глаза. Он следил за каждым шагом юноши, гадая, вышвырнет ли тот слугу или явится к Эдгарам с обвинениями.

Но Нил молчал, а Кунтин был слишком занят королевскими поручениями. Лишь когда приговор Кеннету стал очевиден, а Лилиан заперли в поместье Эванс, он решил снова явиться к Нилу в образе спасителя.

Он не убивал его! Он не мог этого сделать!

Он просто... он просто...

— Я... просто... я просто любил его, хотел обладать им... Разве это преступление? — шептал он, и голос его едва уловимо дрожал.

Эд не расслышал бормотания. Он решил, что пленник в очередной раз пытается отрицать очевидное. Но кого волновала правда?

Граф пожал плечами и расхохотался. Видимо, предчувствие огромного богатства, которое скоро перейдет в его руки, привело его в превосходное расположение духа. В его глазах светилась жестокая насмешка.

— Твои отпирательства бесполезны. И не надейся на свою частную армию — поместье в пригороде, где ты прятал своих псов, уже стерто с лица земли моими солдатами.

Кунтин широко распахнул глаза. Он не был торговцем Сидэ и не совершал тех преступлений, что ему приписывали, но частную армию действительно содержал. Это был его последний козырь. В глазах короля жизнь даже самого богатого торговца стоила не дороже жизни муравья, и Кунтин надеялся, что наемники станут его щитом.

— Скверных солдат ты набрал, — Эд похлопал Кунтина по щеке окровавленной ладонью. — Стоило моим полкам показаться на горизонте, как твои вояки обмочились от страха и поползли на коленях, моля о пощаде. Прямо как их хозяин.

Граф поморщился, заметив на своей руке кровь пленника, и с размаху влепил Кунтину пощечину. Тот прикусил язык, и новая струйка крови потекла по подбородку.

— Интересно, как эта трусливая отара смогла убить моего брата? В гневе я приказал перерезать их всех до единого. Считаю, помог тебе избавиться от мусора.

Кунтин смотрел на Эда с такой ненавистью, словно его взгляд мог превратиться в клинки и пронзить этого выродка. Кровь окрасила его шею в пунцовый цвет.

Эду яростный блеск его глаз показался забавным. Жалкий калека, лишенный клыков и когтей, еще смеет на него так смотреть.

Он выдернул меч из изувеченного бедра.

— Что это? Решил свести счеты с жизнью? Откусить язык? Неблагодарное занятие. Не зря говорят, что сыновья торговцев, сколько бы золота у них ни было, лишены всякого мужества. Что ж, раз ты так жаждешь остаться без языка, я тебе помогу.

Он хлопнул в ладоши. Двое дюжих стражников схватили бьющегося в путях Кунтина и силой разжали ему челюсти. Третий ухватил его язык грубыми, сильными пальцами. Кунтин не мог сглотнуть; слюна, смешанная с кровью, обильно текла на пол.

Глядя на занесенный меч графа Эда, Кунтин наконец познал настоящий, первобытный ужас.

По пути в Восточные Земли Цзянь Хуай узнавал от Цзяи многое из того, чему раньше не придавал значения. Оказалось, его беззаботная жизнь была лишь плодом долгих трудов родителей и тайной опеки Цзяи.

Раньше он считал, что одиночество — это и есть истинная свобода. Забота Лилиан и Кеннета казалась ему лишь обременительной ролью, которую актеры играют в этом игровом мире. Люди не имели для него веса — они были марионетками, выполняющими свои функции.

Но теперь, когда он не мог остановить поток воспоминаний, мысли то и дело возвращались к тем спокойным десяти дням, которые он когда-то презирал. Рассказы Цзяи медленно взламывали его отстраненность.

Его некогда невозмутимое сердце словно сжималось, и он впервые по-настоящему осознал, как самоотверженно любили и защищали его родители. Вспоминая их прощание и то, как нежно они оттолкнули его в сторону, спасая, Цзянь Хуай чувствовал странную горечь. Его душа, прежде гладкая, как лист бумаги, теперь была измята.

Однажды он спросил Цзяи:

— В груди тесно, а в носу... свербит. Почему?

Цзяи склонился и коснулся губами кончика его уха.

— Ты думаешь о господине Кеннете и госпоже Лилиан?

В его голосе было столько нежности, что он почти перекрывал привычную хрипоту, и Цзянь Хуаю она больше не казалась неприятной.

Он тихо ответил:

— Да.

— Это потому, что тебе грустно, — прошептал Цзяи.

Его поцелуи скользнули по раковине уха, коснулись лба, переносицы и губ. Это не была страсть — лишь робкое, бережное обожание.

— Мой Цзянь Хуай... Ты как чистый лист. Ты даже не понимаешь, что страдаешь.

«Так вот что такое грусть».

Цзянь Хуай поднял глаза. Их ледяная синева подернулась влагой, словно зимнее озеро в оттепель.

Цзяи поцеловал его в уголок глаза.

— Не грусти. Мы все рождены, чтобы оберегать тебя. И я сделаю всё, что в моих силах, чтобы спасти твоих родителей. Все, чего ты боишься, не случится.

Цзяи получил свежие донесения и рассказал Цзянь Хуаю о том, как Кунтин подкупил их бывшего слугу.

— Как только мы покинем Западные Земли, мои люди разберутся с этим предателем.

При мысли о докладах Цзяи нахмурился. Этот слуга, даже лишившись рассудка, изрыгал такие мерзости, что Цзяи хотелось лично лишить его жизни.

— Он сошел с ума.

Цзяи приказал своим людям притвориться подручными Кунтина и истязать мерзавца, чтобы тот поверил: хозяин хочет его убить. Когда слуга окончательно тронулся умом, ему внушили, что это Кунтин убил Нила и всех остальных, а теперь охотится за ним. Ему твердили, что он должен отомстить — выдать Кунтина всему миру, чтобы они погибли вместе.

И теперь при каждом припадке безумец выкрикивал имя Кунтина.

Когда всё было готово, умирающего слугу заперли в шкафу в поместье Кеннетов. И когда граф Эд явился с обыском, он нашел именно то, что ему было нужно.

Цзянь Хуай сидел в объятиях Цзяи. Тот обхватил его сзади за талию мощными руками.

— Если бы не нужно было подставить Кунтина, я бы давно скормил этого пса стервятникам.

Ярость Цзяи утихала, только когда он вдыхал тонкий аромат, исходивший от кожи юноши. Словно преданный огромный пес, он терся лицом о его плечо, то нежно прижимаясь, то с силой втягивая воздух у шеи.

Цзянь Хуай читал книгу, словно судьба Кунтина его вовсе не трогала. Он слушал рассказ об этих интригах, изредка небрежно откликаясь, и было неясно, вникает ли он вообще в слова Цзяи.

Но Цзяи не позволял себя игнорировать. Он развернул юношу к себе лицом, так что тот остался сидеть у него на коленях.

Прижавшись лбом к его лбу, Цзяи прошептал:

— Я так стараюсь ради тебя... Неужели твоя «большая собака» не заслужила награды?

Цзянь Хуай почувствовал жар его кожи. Они были так близки, что он слышал бешеный ритм сердца Цзяи. Это вызывало странное смятение.

Вдруг Цзянь Хуай уперся ладонью в его лицо и с притворным отвращением произнес:

— Твой хриплый голос совсем не вяжется с этими приторными речами.

Он попытался оттолкнуть его, но на самом деле лукавил. За время пути он привык к навязчивой нежности Цзяи, привык к его низкому голосу, который теперь казался ему почти мелодичным.

Цзянь Хуай и сам не заметил, как в глубине его глаз вспыхнула тень улыбки. В его спокойствии появилось нечто мягкое, почти ласковое.

Цзяи почувствовал это мгновенно. Он перехватил инициативу, и их губы встретились. Поцелуй, начавшийся нежно, быстро перерос в неистовую бурю. Он властно овладел его ртом, словно хотел растворить юношу в себе, сделать их единым целым.

— Всё, что ты захочешь, я отдам тебе. Всё, что пожелаешь, я исполню, — шептал Цзяи.

Эти слова, произнесенные прямо в губы, заставили сердце Цзянь Хуая пропустить удар.

Суд над Кунтином Эдгаром свершился гораздо быстрее, чем ожидали. Граф Эд, снедаемый жаждой завладеть имуществом Эдгаров, приложил к этому все усилия.

Семью обвинили в государственной измене, создании незаконной армии и убийствах аристократов. Все имущество было конфисковано, а Кунтина приговорили к бестиарной казни.

Это была одна из самых страшных казней в Западных Землях. По приказу короля Кунтина должны были привязать к столбу в центре Колизея на три дня и три ночи, чтобы дикие звери заживо пожирали его на глазах у всей страны.

В эти дни трибуны не пустовали. Среди толпы сидел взлохмаченный подросток. Он не покидал своего места три дня подряд. Он выглядел изможденным, но его глаза лихорадочно блестели.

Глядя на растерзанного, превращенного в куски плоти мужчину, который все еще издавал слабые хрипы в предсмертных судорогах, юноша прошептал, срываясь на плач:

— Преступник понесет кару. Мой брат... Кунтин Эдгар, обманувший, ранивший и убивший тебя, издыхает в позоре.

— Я, Зэнь Брюс, приношу в жертву твоему покою эту грязную, порочную душу. Спи спокойно, любимый брат.

Кунтин на арене словно что-то почувствовал. Он с трудом повернул голову и уставился единственным уцелевшим зеленым глазом прямо на трибуны.

А затем жизнь окончательно покинула его тело.

<http://bllate.org/book/17462/1693583>